

УДК 343.979:316.25

**(Де-)конструирование делинквентного поведения
через призму социологических теорий****Нурутдинов И.И.**Аспирант кафедры социальной
и политической конфликтологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

В статье анализируются особенности (де-)конструирования делинквентного поведения и образа девианта/делинквента через призму социологических теорий. Автор анализирует основные социологические теории девиантности/делинквентности и описывает их вклад в конструирование преступности.

Ключевые слова: девиации, делинквентность, образ девианта/делинквента, социологические теории преступности и отклоняющегося поведения, социальное конструирование преступности.

Представления о том, что девиантность/делинквентность конструируются, являются, по мнению Я.И. Гилинского, одной из новелл современной социологии отклоняющегося поведения. Он пишет, что «завоевывает все большее признание отношение к различным видам девиантности как к социальным конструктам. Власть, политический режим, общественное мнение, СМИ конструируют "преступность", "наркотизм", "коррупцию", "проституцию" и др. Все они лишены онтологической реальности. В реальной жизни, в природе нет ни одного из названных феноменов по своему содержанию, *sui generis, per se*. Курение марихуаны нормально (легально) в современной Голландии, потребление вина "преступно" в странах ислама, курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Испании. В СССР преступлением являлись "частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество" – основа современной экономики. Умышленное лишение жизни человека может быть тяжким преступлением (ст. 105 УК РФ), может быть "подвигом" – убийство врага на войне или же оно юридически "нейтрально" – совершено в состоянии необходимой обороны (умышленное причинение смерти нападающему). И тогда все большее значение приобретает изучение субъектов, мотивов, механизмов, последствий конструирования» [1, с. 72-73]. Несомненное влияние на (де-)конструирование девиантности/делинквент-

ности оказывает социальный институт науки, авторитет которой в современном обществе сравним с сакральным авторитетом церкви в Средние века.

Тема (де-)конструирования делинквентного поведения является многоаспектной не только с точки зрения наличия множества социальных агентов, участвующих в процессе (де-)конструирования делинквентности, но и с точки зрения объяснительных вариаций в отношении того, что есть делинквентность и в чем ее причины. (Де-)конструирование делинквентности в научных теориях (в соответствии с концепцией М. Фуко) оказывает влияние на жизнь делинквентов. В своей работе «Ненормальные» французский социолог наглядно показывает, как менялись научные представления о девиациях в течение времени, и какое влияние оказывали подобные суждения на жизнь индивидов. Идеи об отклонениях, сформулированные в виде конструктов «неисправимого индивида», «мальчика – онаниста» и пр. оказывали значительное воздействие на становление и развитие институтов социального контроля [подр. см.: 2]. Аналогичным эффектом обладают и сегодняшние научные представления о делинквентном поведении – в своей работе «A World of Gangs» американский исследователь Дж. Хаджердон убедительно показывает, что современная криминология (автор называет ее «ортодоксальной») оказывает сильное влияние на целый ряд государственных практик по борьбе с преступностью.

В частности, Хаджердон приводит пример использования Департаментом юстиции США дискурса «домашнего терроризма» в отношении молодежных преступных группировок для оправдания репрессивных мер борьбы с делинквентностью и истребования еще больших финансовых ресурсов из федерального бюджета. В то же время, автор пишет о том, что криминологический мейн-стрим с завидным упорством игнорирует в своих исследованиях проблематику расового неравенства, предвзятого отношения полиции к афроамериканцам, возрастающего влияния глобализационных процессов и т.д. [3, с. 6-7, 53-59, 131].

Данная статья представляет собой авторскую попытку взглянуть на классические и современные теории отклоняющегося поведения через призму их вклада в конструирование образа девианта. Современные представления о природе социальных отклонений имеют, как показал Фуко, довольно глубокие корни, однако собственно социологическое конструирование девиантности началось в конце XIX в., когда начали оформляться первые теории, объясняющие природу отклоняющегося поведения. Соответственно, наше рассмотрение научного конструирования девиантности мы начнем именно с этого периода.

Биолого-антропологические теории. Основоположителем данного направления является итальянский исследователь Ч. Ломброзо, который разработал теорию прирожденного преступника. Прирожденный преступник, по мнению Ломброзо, представляет собой опасного индивида, отмеченного рядом аномалий психического и физиологического плана. Исследователь полагал, что подобные аномалии являются атавизмами и делинквент, по своей сути, сродни первобытным людям и животным. Исходя из того, что различные отклонения в психологии и физиологии можно замерить и классифицировать, Ломброзо предлагал создать эмпирически-обоснованную теорию преступного поведения, которая позволяла бы выявлять преступников по определенным признакам [4, р. 1]. Несмотря на то, что теория Ломброзо повсеместно опровергается, на уровне практического (в частности, бытового) дискурса представления о «животном происхождении» преступников нередко находят благодатную почву. С точки зрения конструирования девиантности, теория Ломброзо была одной из самых «опасных» по своим последствиям для общества – достаточно вспомнить, что именно она явилась прообразом расового профилирования, которое изначально нивелирует презумпцию невиновности в отношении расовых / этнических меньшинств, а это, в свою очередь, частично способствует распространению преступности среди маргинальных слоев населения [5-8]. Завуалированным вариантом неоломброзианских воззрений является, например, теория о большей склонности чернокожих к преступности,

что связывается с большей «биологической предрасположенностью» последних к отклоняющемуся поведению, или воспроизводимый в последнее время дискурс о преступлениях «лиц кавказской национальности», позволяющий в каждом представителе кавказских народностей усматривать потенциально-го «преступника» или «террориста».

Аномические теории. Сам термин «аномия» был введен в социологическую науку французским социологом Э. Дюркгеймом. Под аномией ученый подразумевал такое состояние общества, в котором признанные нормы и ценности перестают быть для значительной части его представителей императивными, а новые еще не сформировались [9]. В дальнейшем концепция аномии Э. Дюркгейма была расширена Р. Мертоном, который трансформировал ее в общую теорию девиантного поведения.

Представители аномических теорий (Р. Мертон, А. Коэн, Р. Кловард и Л. Олин) акцентировали свое внимание на взаимосвязи делинквентного поведения (равно как и других социальных девиаций) и социально-экономической, социокультурной и структурной ситуацией, сложившейся в обществе. Основной причиной к совершению делинквентных поступков, по мнению авторов аномических теорий, является неспособность некоторой части индивидов следовать предписанным обществом целям законными средствами их достижения, в связи с чем они испытывают чувство социальной напряженности. Под предписанной целью социологами подразумевался материальный успех, культивируемый в обществе. Соответственно под законными средствами – учеба, хорошая работа.

Р. Мертон полагал, что совершение противоправных поступков многими представителями низшего класса (воровства, грабежей, разбоев) – это их попытка достичь материального успеха, так как легальные возможности его достижения являются весьма ограниченными по сравнению с представителями среднего класса [10].

Р. Кловард и Л. Олин также полагали, что «карьера преступника» – это вариант «восходящей» мобильности для людей из низших слоев населения. Вместе с тем, по мнению этих ученых, к совершению делинквентных поступков склонны и «ретрестистски-ориентированные» индивиды (прежде всего, потребители наркотиков), которые не стремятся к достижению успеха, как в нормальной, так и в криминальной среде [цит. по: 11, с. 56].

Другой представитель аномических теорий А. Коэн рассматривал сущность делинквенций через понятие «фрустрация статуса». С точки зрения А. Коэна, в обществе доминирует система ценностей среднего класса, представители которого имеют большие возможности добиться успеха, нежели выходцы из низшего класса. В связи с этим последние, чтобы не чувствовать себя социальными аут-

сайдерами создают свою состязательную систему. В частности, они переходят к делинквентной системе ценностей, где в рамках делинквентной шайки повышают свою самооценку [цит. по: 11, с. 53-54].

Несмотря на некоторые авторские различия, общим лейтмотивом конструирования девиантности в аномических теориях является исходный тезис о том, что доминирующие общественные ценности толкают индивида на совершение противоправных действий. В аномических теориях конструкт девианта представлен, прежде всего, образом представителя низшего класса, пытающегося добиться материального благополучия через криминальную карьеру (один из идеологов классического либерализма М. Фридмен писал: «...популярное объяснение преступности – бедность и неравенство» [цит. по: 12, с. 99]). Конструирование образа девианта как социо-экономического маргинала оказало, с одной стороны, положительное влияние на правоохранительную практику, особенно в части ее ориентации на борьбу с бедностью и обеспечения равных возможностей для представителей низшего класса, хотя, с другой стороны, благодаря теориям аномии, в общественном сознании формировалось и представление о том, что бедность – это синоним преступности. Как отмечает Д. Гарленд, система правосудия эпохи т.н. «либерального оптимизма» базировалась, в т.ч., на аксиоме о том, что «социальные реформы в сочетании с благосостоянием приведут, в конечном счете, к уменьшению числа преступлений». Позже, когда система начала давать сбои (конец XX в.) и усилилось социальное расслоение, «социальные объяснения преступности перестали приниматься в расчет. Вместо этого преступность стала пониматься как ...следствие принадлежности к антисоциальным культурам, как проявление испорченности индивидов ... как неотъемлемое свойство бедных – иных, отклоняющихся, опасных. Соответственно, эффективная борьба с преступностью стала увязываться с усилением и расширением общественного и государственного контроля и даже с сегрегацией "опасного сегмента населения"» [13].

Теории дифференциальных связей. Ярким представителем этой теории является Э. Сазерленд, исходный тезис теории которого гласит, что делинквентные практики являются не результатом социальной напряженности отдельных групп индивидов, а своеобразным процессом освоения некоторыми представителями общества криминальных ценностей. Криминальность, с его точки зрения, не передается по наследству, поэтому и не является следствием чувства неудовлетворенности индивида своим положением. К криминальному поведению не приспособляются, а обучаются точно также как и многим видам социально одобряемой деятельности [14].

В связи с этим Сазерленд и его последователи сосредоточились на идее наличия в обществе т.н. де-

линквентных субкультур. Общество, по их мнению, состоит из различных групп людей, имеющих либо криминальные, либо антикриминальные традиции, а криминальные традиции являются причиной высокого уровня преступности в отдельных социальных группах. Индивид становится делинквентом в том случае, когда попадает в такую микросреду, в которой положительное отношение к нарушению закона превалирует над отрицательным. Формулируя основные принципы своей теории, Э. Сазерленд предпринимал попытку объяснить причины индивидуальной преступности и объяснить неодинаковый уровень преступности в различных социальных группах.

Таким образом, конструкт девианта в теории дифференциальных связей представляет собой восприимчивый к влиянию окружающей среды объект; данная теория акцентирует внимание на социальном контексте, в котором существует индивид и его влияние на формирование противоправного поведения. С точки зрения конструирования девиантности, теории дифференциальных связей нашли применение в тезисе о необходимости работы с социальной средой для снижения преступности. Одним из ярчайших примеров (де-)конструирования девиантности в рамках теории дифференциальных связей может выступить тезис об отсутствии определенных видов тяжких преступлений (например, организованной преступности, серийных убийц и пр.) в СССР – подобные отклонения объявлялись нормой лишь в буржуазном, но не как ни в социалистическом обществе. В частности, как отмечает А.И. Ракитин, преступность в СССР рассматривалась не иначе, как «родимое пятно капитализма», так как «социализм не порождает преступности». Доминирование подобных воззрений в СССР, по мнению Ракитина, привело к игнорированию серийной преступности в 1930-1970-е гг. и ошибочному отнесению серийных убийств к преступлениям корыстной направленности [15]. Исследователи подростково-молодежной преступности в СССР (напр. А.Л. Салагаев, И.Е. Туриянский, А.С. Макаров и др.) также отмечают, что проблема организованных преступных групп молодежи во многом игнорировалась именно вследствие «невозможности» подобного в Советском Союзе [16-18].

Теории социального контроля. Предметом научного интереса сторонников этой теории (У. Реклесс, И. Най, Т. Хирши) было объяснение делинквентного поведения через исследование причин конформного поведения, т.е. полярной поведенческой позиции индивида в обществе. Согласно У. Реклессу от совершения противоправных поступков индивида удерживают защитные механизмы, среди которых он выделил два вида. Первый механизм заложен в индивидуальных способностях самого индивида подавлять желание к противоправным действиям за счет воли и самоконтроля. Во-вторых, защита обеспечивается внешней средой: социальными обязан-

ностями индивида, институциональным подкреплением целей и норм общества и т.п. [19].

По мнению И. Ная, законопослушность обеспечивается несколькими средствами социального контроля: внутренним контролем (совестью), косвенным контролем, непосредственным контролем (различными формами санкций), законным удовлетворением потребностей (различными формами поощрения) [20].

Согласно теории Т. Хирши, законопослушное поведение индивида является результатом привязанности его к другим людям, приверженностью к конформизму, вовлеченностью в конвенциональные действия, веру в моральную ценность социальных норм и правил [21]. Делинквентные поступки возможны лишь при ослаблении этой привязанности.

Как видится, девиантность индивида конструируется в данных теориях либо как результат недостаточного внутреннего контроля индивида над своими поступками / слабого контроля соответствующих социальных институтов (У. Реклесс, И. Най), либо как отсутствие приверженности к основным нормам и ценностям общества (Т. Хирши). Образ девианта в теориях социального контроля представлен, прежде всего, таким социальным персонажем, как «трудный подросток». Применительно к теме данной статьи особый интерес представляют и выводы сторонников теорий социального контроля о том, что социальные институты могут являться инициатором непродуктивных практик в результате чего создается «эффект бумеранга». Так, например, некоторые современные исследователи выделяют непродуктивное влияние средств массовой коммуникации (СМК), которые транслируют делинквентные и криминальные модели поведения в подростковую сферу [22-24]. Помимо негативной роли СМК (кажущихся обезличенным агентом социализации) можно отметить, что подростковая делинквентность достаточно полно проецируется в общеобразовательных учреждениях – типаж «трудного подростка» / «хулигана» конструируется участниками образовательного процесса за счет соответствующего клеймения гиперактивных подростков, по отношению к которым традиционные педагогические подходы оказываются бесполезными.

Феноменологические теории. Феноменологическая традиция в исследовании отклоняющегося поведения была ориентирована на объяснение не причинно-следственных связей возникновения преступности, а на интерпретацию смысловых значений, которыми руководствуются делинквенты при производстве незаконных практик, т.е. рассматривала конструирование субъективных (личностных) условий делинквентного поведения.

В отличие от Э. Сазерленда, два известных представителя феноменологического направления в социологии Г. Сайкз и Д. Матза не считают делинквентов участниками особой субкультуры, чьи идеи и

суждения отличны от тех, которые культивируются в обществе. По мнению этих социологов, делинквенты «уважают» общественные ценности, но находят постоянные оправдания, когда совершают противоправные поступки. Данный феномен был назван «техники нейтрализации». Сайкз и Матза выделили пять установок рационализации делинквентных и девиантных действий:

1. Отрицание ответственности («я не хотел это делать» – делинквент ссылается на ситуацию, жизненные обстоятельства);

2. Отрицание ущерба («я никому не причинил вреда» – делинквент не осознает причиненный им ущерб);

3. Отрицание жертвы («они сами этого заслужили» – объект правонарушения, по мнению делинквента, сам спровоцировал негативную для него ситуацию);

4. Осуждение осуждающих («каждый придирается ко мне» – степень личной вины девиант уменьшает посредством вменения вины тем людям, которые применяют к нему санкции);

5. Обращение к высшим ценностям («я сделал это для других» – родственников, друзей и т.д.) [25, р. 664-670].

Разновидностью феноменологических теорий является концепция «идентичности сопротивления» (термин введен М. Кастельсом в работе «The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture») – идентичности, формируемой в пике доминантным культурным ценностям и неопределенности нестабильного общества модерна. Ученые, стоящие на данных позициях полагают, что в стремлении противостоять глобальному влиянию индивиды ассоциируют себя с различными формами девиаций (участвуют в деятельности преступных группировок, становятся религиозными экстремистами и т.д.) [26, р. 158].

Феноменологические теории девиантности, как представляется, не оказали существенного влияния на те правоохранительные практики, которые были ориентированы на различные структурные шаблоны (опору на причинно-следственные связи, «четкий» портрет девианта, возможность профилирования «подозрительных лиц» и т.д.). С другой стороны, феноменологические теории, наряду с психологическими концепциями, оказали существенное влияние на все возрастающее внимание правоохранительных органов по отношению к внутреннему миру девианта, особенно, когда речь идет о преступниках-социопатах. С точки зрения конструирования девиантности, феноменологические теории являются наиболее аморфными, так как не позволяют сформулировать практико-ориентированный образ индивида с отклоняющимся поведением.

Подводя итоги обзора особенностей конструирования девиантного поведения в различных научных

концепциях, нельзя не отметить, что на практике предлагаемые учеными теории зачастую используются совместно в виде некоего эклектического симбиоза. В качестве примера можно привести актуализировавшийся в последнее время в массовом сознании образ «гастарбайтера» – трудового мигранта из республик бывшего СССР. Девиантность трудовых мигрантов может конструироваться как через отсылку к биологической предрасположенности к совершению преступлений [27-28], так и через призму социального контекста (например, рост преступлений трудовых мигрантов вследствие экономического кризиса, из-за разницы в обычаях / традициях / менталитете), акцент на котором делается в теориях дифференциальных связей [29, с. 547-549; 30, с. 304]. Еще более эклектичны и объяснения девиаций «группировщика» – исследование А.С. Макарова показывает, что для объяснения «казанского феномена» использовались конструкты, сформулированные теориями аномии, дифференцированных связей и социального контроля («подростки-маргиналы» в обществе, в котором созданы все условия для развития личности; влияние социального окружения; недостаток досуговой инфраструктуры; «буржуазная пропаганда насилия»; слабая работа педагогов и милиции) [18].

С течением времени меняются научные представления о природе социальных отклонений и соответствующим образом меняются правоохранительные практики. Рассмотренные нами теории не охватывают всего многообразия научных представлений о сущности девианта / делинквента, однако именно указанные теории составляют тот фундамент, на котором основывается современный этап научного конструирования отклоняющегося поведения.

Литература:

1. Гилинский Я.И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 70-73.
2. Фуко М. Ненормальные / Перев. с франц. А.В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2004. – 432 с.
3. Hagedorn J.M. A World of Gangs. Armed Young Men and Gangsta Culture. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2009.
4. Gibson M. Editor's Introduction / M. Gibson, N.H. Rafter // Criminal Man / C. Lombroso; M. Gibson, N.H. Rafter (Eds.). – Durham, NC: Duke University Press, 2007.
5. Russell K.K. «Driving while black»: Corollary phenomena and collateral consequences // Boston College Law Review. – 1999. – Vol. 40. – P. 717-731.
6. Russell K.K. Racial profiling: A status report of the legal, legislative, and empirical literature // Rutgers Race and the Law Review. – 2001. – Vol. 3. – P. 61-81.
7. Weitzer R. Racialized policing: Residents' perceptions in three neighborhoods // Law and Society Review. – 2000. – Vol. 34. – P. 129-155.
8. Welch K. Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling // Journal of Contemporary Criminal Justice. – 2007. – Vol. 23. – № 3. – P. 276-288.
9. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд. – СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
10. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – №№ 2-4.
11. Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. – Казань: Экоцентр, 1997.
12. Фридмен М. Тирания статус-кво // Экономическая теория преступлений и наказаний. – 1999. – Вып.1. – С. 99.
13. Гарленд Д. Культура контроля // Отечественные записки. – 2003. – № 2. – С. 443-444.
14. Sutherland E. Principles of Criminology. – Chicago: University of Chicago Press, 1955. – 721 p.
15. Ракитин А.И. «Социализм не порождает преступности...» (серийная преступность в СССР: попытка историко-криминалистического анализа) – URL: http://murders.ru/USSR_serial_killer_history_1.html.
16. Салагаев А.Л. Подростково-молодежное территориальное сообщество как объект теоретического исследования: дисс.... докт. соц. наук. – СПб.: СПбГУ, 2001.
17. Туриянский И.Е. Социальный контроль подростково – молодежной делинквенции: социологические концепции и практики: дисс. ... канд. соц. наук. – Казань: КГТУ, 2004.
18. Макаров А.С. Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Республики Татарстан: дисс. ... канд. соц. наук. – Нижний Новгород: ННГУ, 2007.
19. Reckless W. The Crime Problem. – N.Y.: Appleton Century-Crofts, 1955. – 198 p.
20. Nye I. Family relationships and delinquent behavior. – N.Y.: Wiley, 1958. – 168 p.
21. Hirschi T. Causes of delinquency. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 309 p.
22. Сулейманова С.Т. Делинквентное поведение подростков в современном российском обществе: факторы и социальный контроль: дисс. ... канд. соц. наук. – Пенза: ПГУ, 2006.
23. Скретнева Н.В. Насильственная преступность несовершеннолетних // Сибирский Юридический Вестник. – 2005. – № 1. – С. 60-65.
24. Плотников А.А. Влияние средств массовой информации на правонарушения несовершеннолетних: административно-деликтологический аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2003.

25. Sykes G., Matza D. Techniques of neutralization: A theory of delinquency // American Sociological Review. – 1957. – Vol. 22. – P. 664 – 670.
26. Hagedorn, J.M. The Global Impact of Gangs // Journal of Contemporary Criminal Justice. – 2005. – Vol. 21. – № 2. – P. 158.
27. Сафин Р.Р. «Девиантный чужой»: составляющие образа трудового мигранта в современном российском обществе // Девиация и делинквенность: социальный контроль: Сб. материалов международной конференции. В 2-х т. / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд. НИСОЦ, 2006. – Т. 1. – С. 131-133.
28. Душин А.В., Сафин Р.Р. «Чужие» в «нашей» стране»: причины межэтнических конфликтов в риторике русских националистов // Конфликты в социальной сфере и их регулирование: Сб. материалов всероссийской конференции. – Казань: Изд-во Печатный двор, 2009. – С. 404-411.
29. Ахмадиева Л.А. Конструирование межэтнического конфликта (на примере федеральных СМИ) // Вестник Казанского государственного технологического университета. – 2010. – № 12. – С. 544-550.
30. Сафин Р.Р. Исследование межэтнической интолерантности через образ «чужого»: основные теоретико-методологические подходы // Вестник Казанского государственного технологического университета. – 2006. – № 2. – С. 301-306.

De (construction) of Delinquent Behavior through the Prism of Sociological Theories

I. Nurutdinov

Kazan National Research Technological University

The paper deals with special character of (de) construction of delinquent behavior and the image of deviant/delinquent through the prism of sociological theories. The author analyzes main sociological theories of deviation \ delinquency and its impact on construction of crimes.

Key words: deviation, delinquency, image of deviant/delinquent, sociological theories of crime and deviant behavior, social construction of crimes.

